

Ранним утром следующего дня Фэн Мин, проснувшись, рукой пощупал место рядом с собой, где чувствовалось мягкое, длинное, едва осязаемое углубление, до сих пор тёплое, однако даже тени Жун Тяня уже не было. Этот тип, отнимая у него все силы, наполнялся энергией, словно никогда не нуждался во сне, и вчера до трёх часов ночи мучил любимого феникса, а сегодня неожиданно проснулся намного раньше Фэн Мина.

Потирая ноющую поясницу, Его Светлость медленно сел в кровати и, краснея, уставился на ещё хранящее тепло Жун Тяня ватное одеяло. Напрягая память и страдая от боли внизу после бурной ночи, хотя Жун Тянь отнёс на руках и привёл его, Фэн Мина, в порядок, князь всё ещё отчётливо ощущал скользящий внутри него член мужчины.

Этот распутный тип...

В конце марта становилось гораздо теплее, однако недостаточно, но так как спать с Жун Тянем — всё равно что держать в объятиях горячую печь, совершенно не стоило тревожиться. Его Светлость, полностью обнажённый, взяв лежащий в стороне чистый и простенький длинный халат, лениво натянул на себя.

В тот день Жун Ху отвечал за охрану опочивальни, весь вечер он находился снаружи, где и задремал. Мужчина всегда просыпался рано и, услышав движение в комнате, понял — князь Мин пробудился, после чего силэйский телохранитель вошёл с докладом:

— Государь, ещё не рассвело, ушёл, сказав, что ему необходимо встретиться с тем старым чиновником, Хэ Юаньцзяном. И сегодня, вероятно, вернётся лишь глубокой ночью.

Князь также догадывался, что возлюбленный отправился по своим секретным делам, и, кивнув в знак понимания, пальцем таинственно подозвал мужчину ближе, после чего со смехом прошептал:

— Жун Ху, я хочу посоветоваться с тобой кое о чём, а-а...

— Князь Мин хочет сказать, что сегодня рассчитывает отправиться в пригород, дабы осмотреть вещи для мастерской Хун Юя, верно? — Жун Ху продолжил: — Государь уже приказал подчинённому и позволил князю Мину выйти развеяться, прихватив с собой служанок и охрану, иначе Вы в одиночку сбежите.

— Значит, одобрил? — обрадовался Фэн Мин.

Хоть поясница по-прежнему болела, однако князю наконец-то получилось добиться однодневного отпуска для предстоящей прогулки! Но Жун Ху являлся лишь первым препятствием, оставался ещё Ло Юнь, если он не одобрит, то люди Сяо не позволят ему покинуть стены резиденции царствующего дядюшки.

— Тогда помоги мне скорее отыскать Ло Юня, я хочу с ним лично поговорить.

— Не стоит, Ваш подчинённый уже с Ло Юнем побеседовал. Он говорит, что там находится дом рода Сяо, раз молодому господину хочется пойти взглянуть на него — пожалуйста, более того, он отправил людей тщательно проверить путь. Как только князь Мин будет готов, можем сразу же выдвигаться.

Сегодня Жун Ху выглядел почему-то очень милым! Если бы не страх, что Жун Тянь, этот огромный чан с уксусом[1], разгневется, тогда Его Светлость немедля пожелал бы обнять и пару раз крепко поцеловать очаровательное лицо Жун Ху, в котором присутствовали искренность, простота и верность. И раз уж два препятствия миновали, Фэн Мин, естественно, не теряя ни минуты, сразу же вскочил с кровати и подозвал любимых служанок, чтобы те позаботились о Его Светлости, а именно, причесали и переодели.

С тех пор, как его провозгласили князем, Фэн Мин потерял большую часть свободы, а став так называемым молодым господином рода Сяо, ему стало ещё тяжелее — единственной оставшейся свободы лишился. Отчего следовал вывод: за должность важной персоны требовалась плата, и цена была огромной — свобода. Для того, чтобы сделать глоток свежего воздуха, требовалось заполучить согласие слуг.

Вот только Жун Тянь также являлся важной персоной, ах, да ещё и государем, так как он мог, стоило захотеть, бегать туда-сюда, пробираться сюда и туда? Слишком несправедливо!

Когда князя переодели, как раз примчалась Цю Юэ, держа в руках сшитые из шкур южных горных огненных быков лёгкие доспехи, что примерял вчера Фэн Мин. Уже с порога девушка проговорила:

— Как знала, что князь Мин рано или поздно не выдержит и, подняв шум, отправится на улицу развлекаться. Не зря я вчера до поздней ночи шила, в итоге вовремя доделала, князь Мин, скорее попробуйте надеть. — Несколько служанок торопливо[2] помогли надеть на плечи князя Мина, который уже облачился в белое платье, лёгкие доспехи.

Подобная броня среди многочисленных доспехов, что довелось носить Его Светлости, была самой удобной. Цю Юэ сшила её подходящей по размеру: прилегая к одежде и телу, доспехи не болтались, не стесняли, а также их вес не ощущался.

Сшитая Цю Юэ вещь была длиной от шеи до низа живота, надёжно прикрывая верхнюю часть тела; длинные рукава, обтягивая плечи, защищали локти, а мелкие вставки были выполнены настолько искусно, что позволяли двигаться как угодно без каких-либо затруднений.

Облачившись, Его Светлость подвигал руками и ногами, беспрерывно восхваляя:

— Кто бы мог подумать, такие лёгкие и удобные, жаль, что шкуры южногорных огненных быков — крайне редкая вещь, иначе можно было бы сшить доспехи силэйским солдатам, тогда

без какого-либо тяжёлого обмундирования любой бой увенчался бы огромным успехом.

Поджав губы, Цю Лань, слегка улыбнувшись, вмешалась в разговор:

— Куда князь Мин собирается отправиться? Что уж говорить о такой дорогой вещи, как шкура южногорного быка, когда даже из шкуры простой коровы сшить лёгкие доспехи тоже дело не из лёгких, мало того, что необработанный материал дорогой, так ещё и процесс шитья трудоёмкий. Как можно обеспечить солдат подобными доспехами?

Стоящая в стороне Цю Син, помогая Фэн Мину выбрать верхнее платье из большой кучи сменной одежды, тоже прервала молчание:

— Тот, что по имени У Цянь, как только пришёл, сразу начал беседовать о доспехах с князем Мином, и так целыми днями. «Сразу, как сменится сырьё, можно улучшить этапы создания», а ещё есть некое подобное дело. Сегодня отправитесь в повозке или верхом? Если в повозке, тогда Вам лучше надеть тонкое нежное короткое платье, если же верхом, по-моему, лучше выбрать это платье бледно-зелёного цвета, подвязать лишь поясом без каких-либо привычных дорогих украшений и подвесок-застёжек, чтобы, когда находились в седле, они не отстегнулись.

На что Фэн Мин немедля воскликнул:

— Конечно верхом! Скорее подайте это бледно-зелёное платье, Цю Син, у тебя и впрямь хороший вкус!

Его Светлость в окружении слуг, принарядившись, уже собирался уходить, однако в этот момент на пороге возникла Цю Лань, внося поднос с закусками, дабы во что бы то ни стало господин немного позавтракал перед грядущей дорогой.

Насупив брови, князь спешно впихнул в рот парочку пирожных и посчитал не лишним отчитаться о «проделанной работе».

После окончания трапезы, наконец-то, этот нудный ритуал по выходу из дворца завершился, и Фэн Мин, облачившись в выбранный наряд для конной прогулки, обулся в сшитые из шкуры агнёнка сапоги[3], которые, облекая, подчёркивали крепкие и изящные ноги князя.

Впереди шедший Фэн Мин, ведя за собой как Жун Ху, так и служанок, уже переодевшихся в штаны и куртки[4], встретился с Ло Юнем.

За дверью резиденции Ханьцини их ждали несколько крупных резвых коней, а также силэйских солдат и мастеров меча рода Сяо.

Увидев их, Фэн Мин рассмеялся:

— Ха-ха, подобная обстановка больше подходит отправляющемуся в путь главнокомандующему. — Оседлав коня, князь с достоинством крикнул: — Ребятки[5], отправляемся в загородную мастерскую рода Сяо.

Его Светлость собирался уже взмахнуть поводьями и со свистом вырваться из ворот, однако Ло Юнь внезапно протянул руку, схватил вожжи и, приблизившись, приглушённо изрёк:

— Хоть подчинённый и согласился с требованиями как государя Силэй, так и Жун Ху позволить молодому господину верхом отправиться на прогулку, но существуют правила езды верхом.

— А?

— И по правилам подчинённому необходимо держать поводья молодого господина.

— Ха?

И мужчина, договорив, оседлал своего стоящего рядом коня, при этом сжимая в руках не только вожжи своей лошади, но и княжеского скакуна. В итоге пара быстроногих животных шла бок о бок.

— И это... это называется верховая езда? — наконец-то, не выдержав, запротестовал Фэн Мин.

— Если молодому господину не нравится, подчинённый немедля подготовит повозку.

Откровенный шантаж...

— Отправляемся, — громко приказал Жун Ху и, посмотрев на расстроенного[6] Фэн Мина, подавил улыбку.

Множество людей, оседлав лошадей, пустилось в дорогу.

Поскольку вожжи находились у Ло Юня, мчаться во весь опор, конечно же, не представлялось возможным, можно было лишь спокойно и неторопливо ехать в окружении охраны.

«Издеваетесь?! Совершенно ясно, что это верховая езда, но тогда почему она изменилась, став церемониальным шествием ребёнка, которого под присмотром взрослых вывели погулять, а? Я хочу мчаться! Я хочу мчаться! Со свистом проносясь мимо горных лесов и полей! У-у... Вот уж действительно, этот подчинённый не человек!»

В данном собрании людей кроме крепких и сильных охранников — стоило лишь бросить взгляд,

смотрящий понимал, с ними шутки плохи — также находились и красивые, можно сказать, очаровательные служанки, облачённые в яркие наряды, да что уж там, даже лошади были отменного качества, поэтому как можно не привлекать внимание, идя по улицам Тунцзэ? В особенности это касалось Фэн Мина, что шествовал на коне, со всех сторон «облепленный» толпой слуг, вдобавок он выглядел привлекательно, и горожане один за другим вытягивали шеи, дабы посмотреть, после чего, сблизив головы, перешёптывались[7], спрашивая: «Откуда прибыл этот влиятельный молодой человек?».

Процессия напоминала разгуливающий по улочкам тунской столицы цирк. Имея при себе присланное самим Цин Чжаном свидетельство, позволяющее преодолеть сторожевой контроль, Жун Ху с лёгкостью провёл своего господина через городские ворота. Чтобы оказаться за их пределами, нужно было сначала миновать несколько городских сооружений, однако стоило выехать, как внезапно открылся горизонт настолько широкий, насколько позволял взор[8], а уходящая вдаль дорога и простирающиеся огромные поля были сплошь усыпаны милой на вид порослью.

Люди рода Сяо, до этого отправленные Ло Юнем разведать маршрут, сейчас ожидали за городскими стенами. Увидев выезжающего князя, они спешно поскакали ему навстречу, и один из подчинённых доложил, приблизившись:

— Молодой господин, вот она, дорога, от которой, проехав половину ли[9] вперёд, будут тянуться две развилки, выбрав левую дорогу, мы вскоре доберёмся до мастерской. Прошу, позвольте подчинённому проводить Вас. — И, натянув поводья, сорвался с места.

Отборные кони, рванув со всех копыт, подняли жёлтый столб пыли — до чего здорово!

Князь обиженно повернул голову и уставился на Ло Юня, который, в свою очередь, сохраняя на лице серьёзность, ответил:

— Хоть мы и покинули окрестности столицы, да и место довольно просторное, однако нельзя отдаляться ни на ли от наших всадников, молодому господину стоит помнить об этом.

Находясь на небольшом расстоянии, молодой человек слегка подбросил в воздух вожжи, возвращая Фэн Мину, тем самым приятно удивив князя. Приняв воодушевлённый вид, Его Светлость поймал поводья со словами:

— Не волнуйся, я не убегу и не потеряюсь. Цю Юэ, Цю Син, а ну-ка, на перегонки! — ударив по крупу, он с пронзительным воплем махнул кнутом и в приподнятом настроении помчался во весь опор.

Оставшиеся позади близняшки, сидя каждая на своём коне, сладким голоском прокричали:

— Князь Мин, не мчитесь слишком быстро, подождите нас.

Ло Юнь с Жун Ху, давно предугадав подобный исход, незаметно покачали головой.

Их обязанностью было — должным образом защищать Фэн Мина, не позволяя тому исчезнуть из виду, и, обратившись к подчинённым, парни махнули рукой, подстёгивая коней. Охрана бросилась вперёд, стараясь не отставать и не обгонять, а именно что следовать за Его Светлостью. В одночасье над дорогой поднялся гул, исходящий от топота копыт.

Хоть охрана и шла по пятам, окружая со всех сторон, однако можно было сбежать в лоно природы, где всё так же радость и наслаждение в достаточной степени охватывали душу. Все эти дни, когда ехали в Тунцзэ, князь задыхался не на корабле, а в душной резиденции царствующего дядюшки, причём ещё немного, и Его Светлость сошёл бы с ума, сидя в четырёх стенах. Сейчас Фэн Мин был подобен выпущенной из клетки обезьяне, настроение и энергия, таящиеся в теле, наконец-то при удобном случае вырвались наружу. Подгоняя коня, вскоре князь обогнал скачущих впереди людей рода Сяо, которые показывали дорогу. Княжеский смех переплетался с прелестными голосками трёх служанок и конским ржанием, словно одна весёлая песнь, осыпая широкую дорогу. Промчавшись стремглав примерно половину ли, Фэн Мин и впрямь увидел развилку, однако стоило ему повернуть на указанный разведывателем путь, как до слуха вдруг донёсся топот копыт.

Увидев скачущего издалека всадника, князь выкрикнул:

— Как кстати, а я уже хотел было ехать встречать тебя, чтобы вместе отправиться к мастерской, но кто бы мог подумать, что в итоге по пути мы натолкнёмся друг на друга.

Оказалось, что это был Хун Юй.

Сегодня юноша был облачён в тот же наряд, что и при первой встрече с князем: на плече, выше колена и на поясе спереди находились причудливые сделанные из кожи «заплатки», напоминающие футляр, более того, сама поза сидящего в седле Хун Юя выглядела неловкой, однако на лице сияла улыбка[10].

Фэн Мин, глядя на него, тоже крайне обрадовался и поинтересовался:

— Что тебя сюда привело? И где У Цянь?

— Изначально У Цянь поехал со мной, но потом его подчинённые нагнали нас и доложили что-то. Неизвестно, что там произошло, но он уехал. — Парень, подъехав к Его Светлости, натянул поводья и, поравнявшись, медленно пустил коня, идя бок о бок с князем. Преисполненный вдохновением, Хун Юй ударился в объяснения: — Вчера Вы сказали мне, что у семьи Сяо есть мастерская в пригороде Тунцзэ, которую можете мне одолжить, после этого разговора я так обрадовался, что не смог сомкнуть глаз, в итоге отправился к У Цяню и вместе с ним, руководствуясь словами Жун Ху, мы отыскиали это место. Действительно, очень хорошее место! Оно находится в тихом ущелье, кроме того, в горах производят довольно неплохую для розжига древесины, из которой получается очень красивый древесный уголь. Именно здесь я, по крайней мере, смогу проявить те навыки, что хранил столь долгое время, по меньшей мере в

мастерскую потребуются маленькая глинобитная комнатка и большая печь, да ещё в дополнение там есть водоём, надо лишь прибраться, и будет хорошо. Но сейчас необходимо только одно — потратив немного умений, возвести огненную печь.

Видя, что собственные мечты неожиданно могут успешно осуществиться, Хун Юй был воодушевлён больше, чем обычно, на милую, словно у девушки, лице вспыхнул румянец, придавая парню ещё больше очарования.

Радуюсь вместе с молодым человеком, князь Мин, промолвив несколько фраз, спросил про возведение огненной печи, и в этот момент неожиданно Хун Юй действительно проявил свой профессионализм — стоило затронуть тему плавки, как парень разразился словами, большая часть которых была непонятна для Фэн Мина, должно быть, они являлись частыми терминами в речи мастера-литейщика.

От услышанного разболелась голова, и Фэн Мин спешно прекратил речевой поток, подняв руки вверх, сдаваясь, и изрёк:

— Оказывается, при постройке печи стоит уделить внимание множеству вещей, ясно-ясно, тебе всё-таки нужно найти и обсудить это со знающим своё дело человеком, а я, благодаря Жун Ху и Ло Дэну, за последнее время каждодневно учил это, учил то, но сегодня я не собираюсь вновь становиться учеником, поэтому, если нужны деньги, можешь напрямую мне сказать.

После встречи два всадника замедлились настолько, что следовавшие за князем слуги уже нагнали их. Цю Лань с Жун Ху делили одно седло, близняшки же сидели каждая на своём коне и сейчас держались позади Его Светлости.

Фэн Мин, с любопытством смерив взглядом Хун Юя, вновь спросил:

— Ты всегда, когда занимаешься отливкой оружия, одеваешься так?

На что Хун Юй кивнул со словами:

— Верно, эти крепкие, сделанные из бычьей кожи заплатки являются защитой от огня, ведь вырываются искры и попадают на тело. Вот только мы ежедневно имеем дело с огнём, и если даже надеваешь эту защиту, то поручиться нельзя, что искра не обожжёт, попав на одежду. Вот посмотрите на мои давние ожоги. — И юноша, подняв рукав, обнажая руку от кисти до локтя, протянул князю.

На руке и впрямь красовалось несколько глубоких и мелких следов от ожогов. Такие ужасные шрамы на белой коже выглядели неожиданно пугающими.

Даже Фэн Мин невольно с досадой, жалея его, вымолвил:

— Твоя кожа такая красивая, но на ней осталось так много рубцов.

Хун Юй, не принимая всерьёз, вернул со смехом:

— Вы что, такой же, как этот тип, У Цянь, — надоедливый? Великий муж, разумеется, не боится клинков и огня[11], а если ежедневно волнуют такие чуждые вещи, как беспокойство, красива кожа или нет, то тогда ты и впрямь женщина.

К счастью, следовавшая позади Цю Юэ, услышав слова мужчины, подстегнула коня, а догнав, стукнула его по плечу и недовольно проговорила:

— Кто сказал, что женщины днями напролёт беспокоятся о красоте своей кожи? Не надо так пренебрежительно относиться к нам, ведь у женщин также есть свои дела, которыми они занимаются.

Хун Юй продемонстрировал очаровательным девушкам свои превосходные, как обычно, манеры и, повернув голову к Цю Юэ, «нанёс удар» улыбкой:

— Прошу прощения за свою грубость.

Дорога за разговорами и смехом довольно скоро привела к подножию склона, где находилась заброшенная постройка, некогда работающей мастерской.

Несмотря на то, что юноша взял на время мастерскую рода Сяо, однако искренне и бесцеремонно считал себя полноценным её хозяином. Когда Фэн Мин подъехал и спешился, Хун Юй, схватив Его Светлость, потащил по заросшей травой тропинке к сооружению.

Меньше чем через минуту показались несколько крыш с глинобитной кровлей, что располагались кучкой, по двое — по трое. Хун Юя это место радовало, как ничто другое, он то и дело говорил в общих чертах о здешней местности, видимо, со вчерашнего вечера он так и не возвращался к себе домой, а находился здесь, кроме того, указывая на стремительно протекающую неподалёку горную реку, и вовсе растрогался:

— Кто бы мог подумать, что у Ваших предков такой хороший вкус, раз они выбрали это место для постройки мастерской. Настоящая кисть мастера[12]. Взгляните на эту ленту ручья, которая как раз опоясывает мастерскую, делая по меньшей мере полукруг. Температура воды влияет на окончательный этапковки, от неё зависят упругость и твёрдость оружия, а здешние горы очень холодные, ах! Вот как так можно взять такую природную красоту и впоследствии бросить? — в голосе слышались ноты досады.

На что Фэн Мин, пожав плечами, ответил:

— Откуда я знаю? Может, в Ли лучше, чем здесь? Но сейчас она уже не заброшена, ведь

появился ты, который станет её хозяином.

Немного подумав, Хун Юй рассмеялся очень искренне.

Хоть литейная мастерская имелась, однако много лет ею никто не пользовался, и она поросла грязью — земляная печь внутри покрылась пылью и требовала уборки. Крутясь перед дверью, Фэн Мин думал, что, войдя во внутрь, превратится в пылесос, и кто знает, может быть, обрадованный Хун Юй схватит его, князя, и заставит наводить чистоту, не щадя сил, словно Фэн Мин не князь, а кули[13]. Лишь представив эту картину, Фэн Мин, выскочив из мастерской, немедля помчался к берегу реки, где, отыскав чистую полянку, стал «подбивать» Цю Лань:

— Давай мы здесь устроим пикник, ведь так давно не ели на травке, да и погода сегодня хорошая, Цю Ла-ань, ты от моего имени отправляйся посоветоваться с Жун Ху. — Получив требования Его Светлости, всегда послушная служанка сразу же отправилась искать супруга.

Жун Ху в общем-то не мог не покориться. К тому же государь наказал: позволить князю Мину весело порезвиться денёк. Силэйский телохранитель по удачному стечению обстоятельств отыскал Ло Юня, с которым также посоветовался. Идея была одобрена всеми — пикник!

Большая часть хорошо обученных отборных солдат, которые наделали немало шума, в итоге продемонстрировали свою изумительную готовность действовать.

Фэн Мин шумел, что хочет пикник, но, благо, это длилось недолго — вскоре большая поляна была прибрана, даже листву убрали без остатка. Неизвестно, знали слуги или нет, кроме, конечно, князя, что едут за город, однако каждый взял с собой обед, во всяком случае Его Светлость, увидев, как на траве появляется замаринованная хорошая говяжья нарезка, свиная нарезка, свиной окорок и прочие мясные блюда, тотчас от изумления обомлел.

Князь всё ещё ошибочно полагал, что нужно отправить Жун Ху к городским воротам Тунцзэ купить чего-нибудь. Но самым занятным было то, что неизвестно какой умник неожиданно для всех, обойдясь подручными материалами, собрал в горах разнообразные съедобные ягоды, которые потом кучкой высыпал на траву к остальным лакомствам.

Фэн Мин, посмотрев, громко рассмеялся и, подзвав всех, сел «за стол». Цю Лань, близняшки, Жун Ху с Ло Юнем, естественно, разместились вокруг господина, Хун Юй, переполненный стремлением как можно скорее начать работу, рассчитывал вернуться к уборке, вернее, к наблюдению за тем, как наводится порядок, однако Фэн Мин схватил его и не собиравшись так легко отпустить:

— Перед работой следует чем-нибудь перекусить, и только тогда можно идти дальше. Скорее садись, продолжим беседу о доспехах?

Вынужденно повиновавшись, Хун Юй покачал головой со словами:

— На самом деле нет никаких способов, сколько бы я не обдумывал, сейчас и впрямь нет ничего дельного. Увы, нынче правители всех стран больше озадачены тем, как отлить ещё больше смертоносного оружия, которым можно будет убивать людей, и разве есть у них время задуматься о судьбе простого рядового солдата?

Несмотря на пару-тройку бесед с князем, парень всегда говорил прямо, как и подобает открытому и приятному человеку, и Жун Ху потихоньку с ним сдружился.

Услышав, что Хун Юй заговорил про «смертоносное оружие», Жун Ху вставил слово, интересуясь:

— Сейчас повсеместно делают смертоносное оружие? В конце концов, что оно из себя представляет?

— Этот вопрос слишком трудный, я лишь могу высказать свою точку зрения, не более. — На молодом лице вновь проступила серьёзность, присущая мастеру своего дела. — Если говорить о мечах, что способны отнимать жизнь, то это, конечно, даньлинские мечи, выкованные по секретной технике правящего рода Даньлин: клинок длинный и острый, его трудно сломать; подобный меч весьма хорош в убийстве, а на поле боя, где царит беспорядок, у врага существенное преимущество... Ах, я никогда не участвовал в бою, это только мои предложения, что строились со слов учителя... В сражении, если говорить о дальнем бое, где можно с огромного расстояния убить или ранить противника, больше подойдёт, например, копьё. Если вражеский меч ещё тебя не настиг, а у тебя в руках длинное копьё, то немедля можно пронзить врага. Но у копья также есть недостатки — оно требует времени, это не проворный меч, обычно, когда метаешь копьё, нельзя своевременно защититься, и увечья неизбежны, ведь того, кто держит копьё, легко ранить. К тому же, копьё легко сломать. Об этой проблеме я, помнится, уже говорил князю Мину.

На что Фэн Мин кивнул.

Хун Юй озвучил сложную задачу — чем длиннее выкованное оружие, тем проще его сломать.

Парень продолжил:

— Оружие дальнего боя — это стрелы, в последние годы немало влиятельных людей, тратя огромные деньги, просили мастера заняться плавкой стрел и изучить информацию, начиная с материала для стрел и приемлемого уровня искривления дуги деревянного лука, до численности оперения стрел с их уклоном и тому подобным. Также есть немало секретных улучшений. Вот только из всего этого мне кое-как удалось освоить отливку наконечников, а с остальным я не знаком.

Сочувствие охватило душу, и Его Светлость прервал молчание:

— Сила атаки у безжалостных стрел мощная, в прошлый раз на реке Оман наши мастера меча,

что сопровождали караван судов, были обстреляны людьми Хэ Ди, бой выдался настолько жарким и напряжённым — вздохнуть трудно было.

Стоящий в стороне Ло Юнь кашлянул. Фэн Мин обомлел и сразу же осознал: в глазах этого типа репутация рода Сяо являлась непоколебимее горы Тайшань[14], и он не хотел, чтобы этот «незнакомец» Хун Юй узнал о случившемся на реке Оман, где люди Хэ Ди напали на головорезов Сяо Цзуна, и те были разбиты в пух и прах.

Фэн Мин незаметно высунул язык и спешно со всей серьёзностью принялся спасать положение:

— Вот только потом наша семья Сяо его разгромила, и ещё принц Хэ Ди с нами подписал довольно прибыльное соглашение, хе-хе. — И, вдруг хлопнув себя по голове, Его Светлость выпалил: — Да, кстати, заговорили о Хэ Ди, и я тотчас вспомнил о Цзы Яне. После отправки к даньлинскому принцу Цзы Янь прислал лишь письмо, где говорилось, что он хочет продолжить обсуждать составленный договор, и больше от него новостей не было? Много ли пунктов он обсудил? Даже оставаясь жить во дворце Тунъань, неужели нельзя возвратиться поспать?

Жун Ху отозвался:

— Это я тоже спрашивал у посланников, они сказали, что Хэ Ди дотошно относится к делам, касающимся светящегося песка. За последние дни они с Цзы Янем обсуждали, сколько и какие именно морские пути стоит сначала проложить, к тому же требуется договориться насчёт портов отгрузки, множество всяческих мелочей они каждодневно с утра и до ночи обсуждают — вместе едят и засыпают — почти живут вместе.

Только тогда пришло понимание, и князь без какой-либо тревоги проговорил:

— Напиши Цзы Яню, пусть не слишком жертвует собой, он по характеру чрезвычайно ответственный, всё исполняет добросовестно[15], ради выполнения задания может даже своим телом пренебрегать. Прокладка морского пути, безусловно, важное дело, но во время обсуждения можно перекусить или, хорошенько отдохнув и поев, приступить к обсуждению. Да, кстати, Цин Ли чинит ему препятствия? Я очень беспокоюсь насчёт этого.

— Как осмелится Цин Ли чинить препятствия? — со смехом вернул силэйский телохранитель. — По слухам, Цин Ли с большой почтительностью относится к Хэ Ди и не посмеет чем-либо обидеть, и можно быть уверенным, что он также не посмеет обижать дорогого гостя, коего с уважением принимает у себя даньлинский принц. Тем более, я слышал от посланника, что Цзы Янь расположился в отведённых для Хэ Ди покоях, что находятся в небольшой резиденции, которую также занимает исключительно даньлинский принц. Цин Ли туда не приглашают и даже не пускают внутрь, если он приходит.

— Выходит, что этот принц Хэ Ди действительно питает к нам весьма искренние чувства.— Ещё пару минут назад немного успокоившийся Фэн Мин вновь с сожалением продолжил: — Цзы

Янь может отправиться вслед за Хэ Ди в Даньлинь! А там за морем с ним нелегко уже будет встретиться. — Тотчас же ловко вытянув травинку, князь произвольно сунул её промеж зубов и безучастно, казалось, о чём-то задумался, однако спустя некоторое время вновь обратился к Жун Ху: — Жун Ху, тогда отыщи посланника и передай письмо принцу Хэ Ди, чтобы Цзы Янь спокойно, никуда не торопясь, обсуждал дело о морском пути. Так или иначе, в дальнейшем у него с Хэ Ди будет сколько угодно времени для дискуссий, пока я нахожусь в Тунцзэ, найду время, чтобы улизнуть и попробую с ним встретиться, иначе я уеду отсюда, а он отправится в Даньлинь, и когда мы с ним увидимся, тоже неизвестно.

Между Жун Ху и Цзы Янем существовали братские узы, скреплённые крепкой дружбой, и от мыслей, что Цзы Янь, отосланный в качестве посланника, переберётся за море и будет жить в Даньлинь, появились горечь и нежелание расставаться, ведь Жун Ху как раз хотел, не упуская удобного случая, как можно чаще встречаться. И стоило Фэн Мину затронуть данную тему, силэйский телохранитель немедля кивнул, согласившись и молча запомнив по возвращении направить людей с письмом к Цзы Яню.

Слушая разговор мужчин, Цю Юэ не проявляла какого-либо интереса, наоборот, видя, что беседовавший с ними князь совершенно позабыл о еде, отобрала самую крупную ягоду — близняшки и Цю Лань до сих пор перебирали плоды, которые добыла охрана в горах — и с улыбкой, что была подобна цветку, обнажив ямочки на щеках, поднесла к лицу Фэн Мина:

— Князь Мин, попробуйте, на первый взгляд кожура этой ягоды зелёная и терпкая, но мякоть очень сладкая.

Его Светлость тотчас же, приняв из рук служанки, укусил ягоду и рассмеялся:

— В самом деле очень вкусная.

— Дашь одну? — спросил Хун Юй, и девушка попутно протянула ещё, подавая юноше в руки.

Цю Лань, выбрав крохотную ягодку, покрытую слегка красноватой кожурой, но кажущуюся очень вкусной, незаметно дала Жун Ху, шепча:

— Вкусная или нет, не знаю.

Молодой генерал, получив от дражайшей супруги угощение, отправил в рот и незамедлительно почувствовал сладость, которая растеклась по горлу, а затем — по нутру, сам же Жун Ху с простодушной улыбкой также тихо задал вопрос:

— Ты ела?

На что Цю Лань кивнула. Шалости парочки заметили все, каждый из находящихся там, сжав губы, со смехом наблюдал за супругами. Цю Син ещё более возмутилась и, воспользовавшись

случаем отомстить Ло Юню, нарочно фыркнула со словами:

— Видимо, в обычные дни можно великодушно относиться к людям, сейчас все едят хорошие плоды, оставляя без внимания лишь надоедливого человека.

В тот самый момент Цю Юэ принесла новую порцию ягод, увидев, что Фэн Мин и Хун Юй уже вкушают лакомства, девушка без лишних раздумий кинула сидящему в том же кругу Ло Юню плод. Когда близняшка закончила речь, ягода уже попала в руки мужчины, все с интересом посмотрели на Цю Син, которая сама себя загнала в затруднительное положение, покраснела и взволнованно обратилась к Цю Юэ:

— Я помогаю тебе говорить от твоего имени, а ты, наоборот, стоворилась со всеми, чтобы поиздеваться надо мной?

Цю Юэ произнесла с невинным выражением лица:

— Откуда мне знать, что ты говоришь? Я просто бросила ягоду, что была под рукой, ты чего злишься?

Все расхохотались, даже Цю Лань залилась звонким смехом, словно серебристый колокольчик. Цю Син спешно выпалила:

— Даже Цю Лань издевается над человеком. — Вскочив, девушка развернулась и быстро вышла из круга.

Цю Юэ помчалась за сестрой, дабы утешить её. Ло Юнь, в свою очередь, воспользовавшись моментом, пока никто не обращает на него внимания, спрятал ягоду, что держал в руках, так и не пожелав съесть её.

— Лук и стрелы, как полагается, принадлежат к оружию дальнего боя? — отсмеявшись, Фэн Мин, вкушая ягоды, продолжил общаться с юным мастером, — Я раньше смотрел телевизор... а-а, нет, то есть читал книгу, где при штурме города, помимо лука и стрел, ещё использовалось множество крупномасштабного оружия по типу баллисты или требушета[16], либо древнего гранатомёта, во всяком случае образцов очень много, вот только опыта вести бой у меня нет, и во всех этих вещах я крайне несведущ.

На что Хун Юй с изумлением спросил:

— Баллиста, требушет — это такие вещи, которые бросают камни во врагов? Вот только подобное оружие весьма утомительное и хлопотное, к тому же лёгкие камни убойной силой не идут ни в какое сравнение со стрелами, а у кого хватит столько сил, чтобы метнуть тяжёлые камни? Даже если с городских стен камни удастся скинуть, то на дальние расстояния невозможно.

Фэн Мин обомлел: «Ха? Какой там бросать недалеко, а? Неужто Хун Юй считает, что баллиста и требушет бросают камни с помощью человеческих рук?»

В его прошлом в фильмах о древней Греции и Риме казались пригодными весьма огромные баллисты и требушеты как при атаке и штурме, так и при обороне города, метая каменные глыбы достаточно лихо и безжалостно, бах — и в городской стене пробито отверстие.

— Для подобного оружия, конечно, нужны довольно тяжёлые камни, но и дальность стрельбы достаточно большая. В подобных механизмах совершенно не задействованы руки, применяется только принцип рычага, и всё.

Озвученный князем закон физики озадачил[17] Хун Юя:

— Что такое рычаг?

— А-м... Хм-м, как бы тебе объяснить? Знаешь, что такое качели-балансир?

— Качели-балансир?

Фэн Мин уже хотел было пояснить, но почувствовал, как сзади внезапно кто-то ткнул его в спину. Его Светлость обернулся, оказывается, внимания добивался рядом сидящий Жун Ху. Фэн Мин поднял бровь, одаривая его слегка вопросительным взглядом. Несмотря на лёгкую улыбку, в глазах Жун Ху присутствовала крайняя серьёзность, и, спокойно пережёвывая закинутую в рот ягоду, силэйский телохранитель слегка покачал головой, при этом чтобы Хун Юй не видел.

— А! — пришёл в себя князь.

Выражение Жун Ху определённо означало: данные знания относятся к государственной тайне и нельзя как попало ими распоряжаться, особенно позволять не силэйскому литейщику узнать о них.

«Верно-о, если действительно крупногабаритная баллиста или требушет в этой эпохе ещё не создана, в таком случае данное секретное оружие потом, если враг овладеет им, может стать весомым подспорьем для военной мощи какого-нибудь государства! Увы, по-видимому, осознание отечественного патентного права всё ещё слишком слабо», — Фэн Мин в душе кричал от недовольства.

Прежний князь Мин болтал бы, однако нынешний — поклялся Жун Тяню помочь объединить Поднебесную, и, разумеется, предоставлял все собственные знания о вооружении Жун Тяню, который, в свою очередь, являлся единственным обладателем его, княжеского, интеллекта.

— Фэн Мин, что такое качели-балансир? — вновь переспросил сидящий в стороне Хун Юй.

— А? Ну... — Его Светлость повернул голову и с крайнем смущением начал уворачиваться: — Это своего рода детская игрушка, после того, как Жун Ху с Цю Лань родят ребёнка, я сделаю одну, покажу тебе, и ты сразу поймёшь.

Супруги тотчас же зарделись и в один голос закричали:

— Князь Мин, не нужно, как вздумается, насмехаться над нами!

Данная беседа кое-как закончилась, Хун Юй, похоже, нисколько не понял скрытое «хождение вокруг да около», парень только и думал об отложенном деле литейной мастерской, в итоге, поев ягод и несколько кусочков аппетитного вяленого мяса, юный мастер поднялся с места, собираясь вернуться к работе надсмотрщика.

Понимая его сильную страсть к литейной мастерской, Фэн Мин больше не задерживал парня, и, последовав его примеру, поднялся на ноги, отряхнулся, сбрасывая приставшую траву.

— Когда наладишь огненную печь, — начал князь, — и приступишь к работе, я вновь приеду и посмотрю, а сегодня, когда выпала такая возможность улизнуть, почему бы не прогуляться, осматривая местные красоты страны Тун, лучше так.

Распрощавшись с юным мастером, князь, поглаживая сытое брюшко, побежал к ручью, куда недавно умчалась Цю Син, дабы отыскать служанку. Спустя столь малое время Цю Син уже успокоилась и как раз игралась с близняшкой, со смехом обливая её водой. Заметив приближающегося к ним Фэн Мина, девушка ловко отстирала носовой платочек в прохладном ручейке, после чего помогла Его Светлости вытереть лицо с вопросом:

— Князь Мин, это разрушенная грязная мастерская, и здесь нет ничего красивого, может, спустимся с гор и поиграем?

Его Светлость с ликованием похлопал по лицу милую служанку:

— Милая Цю Син, я так и думал, куда хотите отправиться прогуляться?

Близняшки очень радостно возликовали и внезапно запрыгали, подстрекая:

— Пойдёмте в город!

— Посмотрим рынок тканей!

— Покатаемся верхом!

— Пойдёмте к берегу реки!

— Полазаем по горам! — девушки наперебой предлагали кучу разных забав.

В звонком щебете они всей толпой пошли прежней тропинкой, спускаясь с горы, и, дойдя до места, где оставили коней, и вопреки ожиданиям, по-прежнему не решили, куда лучше поехать в итоге. И в этот момент неизвестно откуда протиснувшийся Ло Юнь ровным тоном произнёс:

— Предпочтительнее сначала отправиться к берегу реки Оман.

Все были крайне удивлены, ведь этот неуклюжий чурбан[18] неожиданно выдвинул предложение куда пойти поразвлечься, верно? Обычно, стоило заговорить о забавах и играх, он даже ни одного холодного «фырка» не издавал, считая, что уже делает честь другим.

Заметив изумлённый княжеский вид, Ло Юнь добавил:

— Управляющий Ло сказал: для молодого господина уже пришли новые джонки рода Сяо, а раз сейчас остановились в пригороде вблизи реки, молодой господин без каких-либо проблем может отправиться посмотреть на них.

Только после объяснения Его Светлость успокоился.

«Верно же! Это действительно в характере Ло Юня. Оказывается, его застали у выхода как раз занимающимся делами рода Сяо...» — Фэн Мин обернулся и развёл руками, глядя на служанок:

— Ну, тогда не стоит спорить.

Толпа, оседлав коней, во главе с Ло Юнем помчалась, с шумом поднимая пыль, к окрестностям реки.

Также оказалось, что русло реки располагалось совсем недалеко от стен Тунцзэ, по предположению Фэн Мина, оно, вероятно, находилось приблизительно в трёх ли. Неизвестно, испугался ли тогда Ло Дэн, но после неожиданного нападения кораблей Хэ Ди, сейчас, приняв во внимание произошедшее ранее, выбрал для стоянки не огромную пристань, а захолустный песчаный берег реки.

Ещё не приближаясь к реке, уже можно было почувствовать запах воды.

Заставив коня перейти с галопа на обычный шаг, а там и вовсе спешившись, Фэн Мин с изумлением выпалил:

— А река Оман разве пересекает Тунцзэ? Я ошибочно полагал, что она течёт где-то вдоль Фаньди.

Следовавший позади князя Жун Ху, который также спрыгнул с коня, держа поводья, пошёл прогулочным шагом по берегу, попутно объясняя господину:

— Это вовсе не русло реки Оман, лишь развилка, текущая в Тун. Вот только из ответвлений реки Оман, помимо тех громадных притоков, что протекают в Фаньцзя и Чжаобэй, этот рукав наиболее крупный. Хоть этот отрезок реки широкий, туда дальше он сужается, к тому же течение стремительно, только опытные рулевые осмелятся вести джонку по нему.

Вся компания последовала их примеру, весенняя трава уже проклюнулась из-под земли, густая, мягкая и слабая, стоило ноге опуститься, утопая в этом зелёном ковре, к нему присоединялись дуящий в лицо ветер и вода, даря спокойствие и умиротворение.

Конечно же, нашлись люди из свиты, которые несколькими минутами ранее отправились разведать ситуацию и сейчас по возвращении сообщили, что у кромки берега стоят прибывшие новые джонки рода Сяо.

Находящийся в тот момент на корабле Ло Дэн после слов гонца о прибытии молодого господина радостно сошёл на берег встретить Его Светлость. Встреча состоялась близ побережья, Фэн Мин самым первым взошёл на борт малой джонки, а мужчина, указывая на близлежащий корабельный путь, вымолвил:

— Здесь река хоть и широкая, но глубина для судна не настолько большая, в отличие от основного потока; прежние роскошные большие джонки здесь не пройдут, поэтому на этот раз отправили средние суда рода Сяо, их вид не идёт ни в какое сравнение с изначальным выбором молодого господина, но если говорить о скорости и практичности, подобные суда куда лучше прежних. — И, понизив тон, добавил: — Если по чистой случайности в будущем снова подвергнемся скрытой атаке, эти джонки намного легче, нежели неуклюжие[19] роскошные большие судна.

Находясь на носу небольшого судёнышка, Фэн Мин устремил взгляд на выстроенные в ряд малогабаритные джонки семьи Сяо. Если вспомнить прежние джонки, то можно было применить слово «роскошь», а к тем, что находились перед глазами, больше подходило слово «компактность», однако они были мощными и достаточно функциональными.

О проблеме, всплывшей в мозгу, князь несколько совестливо поинтересовался у Ло Дэна:

— Это самое... Те большие джонки, что были разгромлены в прошлый раз на реке Оман, не последние ли у рода Сяо? — Неужели он, князь, однажды отправившись в путешествие, в первой же стране разом уничтожил все самые ценные суда, отданные его отцом в наследство? Тогда он, Фэн Мин, и впрямь расточительный сын.

К счастью, Ло Дэн покачал головой:

— Такие большие джонки у нас ещё остались и находятся в другом месте, но, когда молодой господин отправился в путь, не все джонки были выбраны для отплытия. Хм, молодому господину не нравятся суда среднего размера? В таком случае я отправлю людей с письмом, дабы они собрали с разных мест оставшиеся большие джонки и направили сюда, вот только здешней глубины не хватает, боюсь, молодому господину всё же придётся пока плыть на средних джонках, а когда покинем эти воды, пересядете на большую джонку.

— Нет-нет-нет! — поспешил ответить Фэн Мин. — Я просто спросил. Эти джонки хоть и большие, но плывут слишком медленно, предпочту лучше маленькие, но быстроходные корабли.

Ло Дэн, успокоившись, с радостью добавил:

— Вот только эти корабли не идут ни в какое сравнение с прежней большой джонкой молодого господина, однако они крупнее обычных судов. — Мужчина объяснял, а лодка уже приблизилась к джонке, где на борту их ждали матросы.

Примечания:

[1] Образно о ревнивом человеке.

[2] В оригинале фраза звучит как 七手八脚 (qīshǒu bājiǎo) — цишоу бацзяо — дословно «семь рук, восемь ног», обр.в знач.: поспешно, торопливо.

[3] 鞋(chángxiē) — чансюэ — можно перевести как «башмаки», но на самом деле это сапоги ниже колена.

[4] В оригинале фраза звучит как 短装 (duǎnzhuāng) — дуаньчжуан — что означает «китайская верхняя одежда: штаны и куртка», однако если по-иероглифно разбирать, то можно перевести 短 (дуань) как «короткий», 装 (чжуан) как «одежда» — получается «короткая одежда».

[5] Фэн Мин называет своих людей 贱人 (háiérmén) — хайэрмэнь — «ребята», «удальцы». В древних литературных произведениях и китайских операх генерал называл так подчинённых, или же сами подчинённые называли себя, обращаясь к главнокомандующему.

[6] Фраза 吃瘪 [chī biē] — чи бе — дословно переводится как «съесть черепаху» и означает невыгодное положение, убытки. На юге Китая данное выражение часто используют, когда кто-то терпит неудачу или несёт потери.

[7] Полная фраза звучит как «сблизить головы, коснуться (губами) уха», обр. в знач.: шептаться, шушукаться.

[8] В оригинале фраза звучит как 极目远眺(jímù érguān) — цзиму эр цюй — которую можно перевести как «смотреть вдаль, насколько позволяет взгляд»; «смотреть во все глаза».

[9] Ли — китайская мера длины, равная 500 метрам.

[10] В оригинале фраза звучит 满面春风(mǎnliǎn chūnfēng) — маньянь чуньфэн — обр. лицо в улыбке, светиться радостью. Если же разбирать по-иероглифно, то 面(маньянь) означает «лицо» и 风(чуньфэн) — «весенний ветер», что является олицетворением счастья.

[11] Полная фраза звучит так: «огонь и вода», обр.в знач.: крайняя опасность, критический момент; бедствие; несчастье.

[12] Имеется в виду «видна рука мастера», т.е. неповторимый почерк или творческий стиль автора.

[13] 苦力(kǔlì) — кули. Рабочие-кули, или просто кули — в историографии термин широко использовался в Китае (до 1949 г.), Индии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, подобное прозвище носили наёмные работники: батраки, носильщики, грузчики, чёрнорабочие, рикши, подёнщики и т. д. Более того, империалисты отправляли в колонии или полуколонии рабов и трудяг и брали тех, кто готов был продавать свою силу, горбатиться за еду. Таких трудяг и называли кули.

[14] Гора Тайшань — одна из пяти священных гор Китая. Сама фраза в оригинале звучит как «тяжелее, чем гора Тайшань», обр. о значительности, о важности значения; более того, фраза «гора Тайшань» является чаще всего метафорой к важному, значимому, перед кем\чем благоговеют, нечто ценному; также это часть идиомы 祸重泰山, 轻如鸿毛(huò zhòng yú tài shān, huò qīng yú hóng máo) — хо чжун юй тайшань, хо цинюйхунмао — «тяжелее горы Тайшань либо легче лебяжьего пуха», обр.в знач.: когда одно событие значимее другого.

[15] 衣冠(yī guān) — и бань и янь — изначально данное название носил двухтактный ритм в этнической и китайской музыке. Но позже данная фраза стала метафорой, означающей всё, что соответствует правилам этикета, норме, порядку.

[16] В оригинале фраза звучит как 投石(tóu shí) — тоушицзи — если по-иероглифно разбирать, то 投(тоуши) переводится как «метать камень», а 机(цзи) — «машина», то есть «машина для метания камней»; а целиком фраза означает «баллиста», «требушет», «катапульта».

[17] В оригинале фраза звучит как 雾里看花(wù lǐ kàn huā) — итуо ушуй — «туман в голове», обр.: озадачивать, приводить в замешательство, ставить в тупик.

[18] 木头(mù tóu) — мутоу гэда — если по-иероглифно разбирать, то 木(мутоу) означает «дерево», 头(гэда) — «корявый»; а полная фраза переводится как «балбес», «тугодум», «слоупок».

[19] В оригинале фраза звучит так: 笨頭笨腦 (bèntóubènnǎo) — бэньтоубэньнао — «дурная голова и тупые мозги», обр. в знач.: тупоголовый, тупоумный; дурак. Если переводить по-иероглифно, то 笨 (бэнь) можно перевести как «неуклюжий», «негибкий», 頭 (тоу) — «сторона».

<http://bllate.org/book/13377/1587021>